

Нина Е. Васильева

Пермский государственный университет

**"Я ЖИЛ СРЕДИ ВАС" (о книге стихов
Бориса Гашева "Невидимка" и о нем самом)**

Он жил среди нас... невидимкой, душой, не отягощавшей никого своим присутствием, одарявший всех блеском своего ума, своего тончайшего искрометного юмора. Мы любили его, нет, точнее: мы его обожали — за присутствие-неприсутствие, близость-дальность, явность-непроявленность, молчание-слово. Все знали: "тут рядом есть душа", но едва ли кто мог с уверенностью зацепиться за суть, за глубину, за главное. Попытки проникнуть за видимую грань он пресекал самообороной из иронии и шутки, ерничанья и меткого словца. Думаю, что только его талантливая семья в "женском триптихе" (умница жена, все понимающая талантливая дочь и рано проявившая свои филологические дарования внучка) не то чтобы знала ему цену, а просто знала меру его личности, ее самобытной утонченности, ее уникального камерного масштаба. И вот его стихи, изящно и со вкусом собранные вместе. Писать о них трудно — по той же причине: ничего не лежит на поверхности, надо добираться до дна. Борис прав, сказав о себе:

*Мне глубину мою проведать —
Как будто в обморок упасть.*

Он не любил и не жаловал научного литературоведения, это "тесто темное наук", и вряд ли в его случае будет уместна традиционная рецензия, открывающая читателю поэтическую новинку; открывать надо как-то по-другому: не очень доверяя внешним оговоркам и обмолвкам (а вдруг обманет?), не очень всерьез (а вдруг шутит?), не очень глубоко (а вдруг ерничает?). Не зря ведь он представился читателю:

*Отчужденный от вас,
Непонятный себе самому.*

Да и вообще "собою он не озабочен". Эта его неозабоченность собою имела абсолютный и "установочный" смысл: он никогда никого не догонял, ни с кем не соперничал, никого не держал в кумирах, и вообще никогда не тщился. Полное отсутствие тщеславия делало его самодостаточность необременительной, неким "чистым искусством", не ищущим смысла вне себя самого. Его "я-не я" в каких-то исходных глубинах носило принципиально зыбкий характер, оно балансировало на грани утраты предметного лика, "лизало края" бездны. Была в этом драматическая нота, проступавшая в редких исповедальных строчках:

*Кто-то пробудился бы не мною,
Потянулся от избытка сил.
С женщиною, другом, сам с собою
Он бы за меня поговорил.*

И к жизни в целом — без благоговения, не заискивая, не моля, не держась, не страшась.

*Держись за эту жесть,
А то скользи покато.
Держись за эту жизнь,
А может и не надо.*

Как точно сказал один из его читателей, поэт, филолог А.Черепанов, "два лада его бытия — жизнь и не-жизнь вопрошают один другого". Борис ведет этот опасный диалог, скользя по краю, рискуя сорваться, то приближаясь к разгадке "тайны жизни", то возвеличивая "заповедную тьму". Истина его неявна, она прорастает сквозь пласты боковых замечаний, проходных реплик, шутливого тона, неопределенных словесных форм:

*Что-то должно пропадал я где-то.
Что-то я от сути отошел.
Что-то неодетый, несогретый
Из нехитрой присказки сокол.*

Редко напряжение внутреннего чувства достигает взрывоопасной точки, и тогда слово автора исторгает мучительный вопль:

*И вообще. Стрелю в сердце ранен —
Вот торчит.
Где друзья? Давайте утром ранним*

Томолчим.

Упрекни меня в словах, попробуй,

Гы ведь и сама.

И любовь у нас была до гроба.

После — тьма.

сомневаюсь, что наедине с самим собой он много и глумился о жизни, о себе, своей доле и участи. Итоги этих и пунктиром "прошили" его книгу, отдельные мысли — льны, откровенны, значительны. Пастернаковское "и надо в пробелы в судьбе, а не среди бумаг" находит неожиданное развитие и переосмысление.

Срез пустотельного стебля.

Синего неба простор.

Но между небом и степью

Все-таки пропуск пустой.

Все-таки сразу над жнивой

Неуловимо, слегка,

Некий пробел сиротливый,

Некий пролет сквозняка.

г сиротливый тревожный пробел наполняется глубочайшим ценным смыслом: пустота содержательна, в ней сокрыта ценность жизни; "пролет сквозняка" — это поле для построения росчерка, это то, что еще предстоит и возможно, это пространство для точки. Не поставленная еще точка — открытость означенности, надежда, оправдание. Из этого смыслового рождается последний абзац стиха:

Впрочем, и сам ты, бездельник,

В небо пустое глазел.

Сам пустельга, пустотельник...

Если б не этот пробел!

И б не этот пробел, книга Бориса Гашева легко бы цепляла к себе простотой. Но простота его обманчива. "Проблеваются к разгадкам, разгадки тревожны, глубоки, драматичны. Даже тогда, когда он разыгрывает, шутит, "бездельничает"

И подернет взгляд тоскою,

И зачахнет организм.

Я устроюсь под доскою,

Не достроив коммунизм.

Вот у тебя аритмия,

Вот и ряди и суди.

Вот и над картою мира

До петухов посиди...

Это вольтерьянство ума, невесомая легкость, изящество мысли и слога — сокровенная особенность личности Б.Гашева. Но сквозь его ироничную броню — искренний, из глубины идущий прорыв в лирику:

Все меркше свет,

Все небо ниже,

Все хуже жизнь,

Все водка жиже.

А мы с тобой все ближе, ближе...

Его лирическое самоощущение ориентировано на определенный "сорт" ценностей. Человеческий выбор сделан точно, душа богата немногим: добрая мысль, весомое слово, редкие близкие люди, никакого почтения к вещам и предметам, а главное — абсолютное отсутствие какой-либо "жестикюляции". Лаконизм как принцип жизни, как эстетический прием, как внутренний комфорт — так ощущают себя в мире аристократы, и не подозревающие, что нищенское убранство их жизни, интерьер их убогой "кели", полное безразличие к устроенности быта и невозможное в мире людей отсутствие какой-либо жадности, предметной страсти — это и есть настоящая элитарность, мудрость Диогена, бегущая от суеты, презирающая "слишком назойливые аспекты действительности" (И.Бродский). Мудрость, всегда спокойная и умеющая довольствоваться тем, что есть, не рвущая душу в поисках большего. Я думаю, он был счастлив, только, возможно, не знал этого, а скорее всего — и не думал "в эту сторону." Признавалась власть совсем другой формулы смысла:

И даты, и числа забудешь,

А все-таки все не беда,

Лишь только бы горькие люди

Водились с тобой иногда.

"Горькие люди" водились, получали приют в его доме, тянулись к нему самому, одинаково воспринимали события и страсти времени, были его узким кругом. Они дополняли любимый им "непокой" (строчки маленькой дочери: "в этих мрачных тучах над рекой есть любимый папой непокой"), говорили с ним о метафизике, ценили родство душ и безоговорочно принимали правило:

*А ни в какую жизнь
Окурком и огарком
С врагами не делись.*

Они были творцами, серьезно относящимися к писательскому делу; вниманием издателей не избалованные, работали все больше в стол, на будущее, но ответственно понимали:

*Если роза свои лепестки
Не сумела раскрыть —
Ей помочь невозможно.*

Борис был близок к широкому признанию: появлялись публикации, сложилась книга, виделась удача. Но ни один из "горьких людей" не вздрогнул, когда незадолго до беды написались строки:

*Голосом, шепотом, всхлипом
Не ворочусь в этот дом,
Не поминай меня лихом
За опустевшим столом.*

Свое роковое предчувствие он носил в себе. Теперь, когда конец свершился, "образ" его вычитывается из строчек, разбросанных по всей книге:

*И тебя найдет коса,
От нее не денешься.*

*Вдруг ошалев с тоски
Иль совестью замучен,
Ступил на край доски,
И вот — несчастный случай.*

Иногда он пронзительно ощущал "подоконника горький простор и горячую руку у горла", исчерпанность чего-то в себе: "Вот и жизни стало тесно. Скоро хватимся — зола". Убывала какая-то внутренняя протяженность жизни:

*Любовь или жизнь. Только снова
За нами тебе не успеть.*

*Иссякая мой нехитрый запас
Своеволия и вольнодумья*

*Слава богу, ты свою досаду
Охрани, уйми.
До веревки, до ножа, до яду
Шерами.*

Но "колокола высоких слов" бились о его сердце, искали выхода и понимания. И Борис, чурающийся патетического серьеза, умеющий от него уйти, вдруг скажет о самом главном обнаженно прямо:

*Все хотелось чего-то целого,
А не дробного. Изначать!*

Изначать не успел. Трагическое предчувствие конца опередило все планы и ожидания. К новому началу придут две его Ксении: Ксения — дочь и Ксения — внучка. Тут все крепко, надежно и — в божеском даре всей семьи — талантливо.

...Человек бывает со-кровенный и от-кровенный. Борис Гашев — из породы сокровенных. Его невидимая суть не нуждалась в обнажении, не требовала признания и оценок, не обращалась к аудитории. Он — невидимка. Он писал свои стихи как жил: одиноко, бесшумно, молчаливо. Он сберег свой "пробел судьбы", свой "пролет сквозняка", и его посмертная книга стихов прекрасно восполнила все пропуски его судьбы.